

Император Николай I: заключительный диагноз

Д.м.н. Ю.А. МОЛИН¹, орд. Г.А. ВОРОНЦОВ²

¹Бюро судебно-медицинской экспертизы Ленинградской области (нач. — проф. Г.И. Заславский), кафедра судебной медицины (зав. — проф. Е.С. Мишин) Северо-Западного государственного медицинского университета им. И.И. Мечникова, Санкт-Петербург

Emperor Nikolas I of Russia: the definitive diagnosis

YU.A. MOLIN, G.A. VORONTSOV

Leningrad Regional Bureau of Forensic Medical Expertise; I.I. Mechnikov North-Western State Medical University, Sankt-Peterburg

Авторы статьи, опираясь на не публиковавшиеся ранее медицинские документы из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), высказывают аргументированную точку зрения о смерти императора Николая I от постгриппозной пневмонии и отвергают версию об отравлении государя. Статья содержит не публиковавшиеся ранее протоколы об осмотре и бальзамировании тела Николая I.

Ключевые слова: император Николай I, причина смерти, бальзамирование.

The authors analysed the unpublished medical documentation from the depositories of the Russian State Historical Archive (RSHA) containing materials that shed light on the circumstances around the death of Emperor Nikolas I of Russia. They put forward arguments in support of the proposition that the Emperor died from post-influenza pneumonia and dismiss the popular view that he was poisoned. The previously unpublished protocols of Nikolas' body postmortem examination and embalming are presented.

Key words: emperor Nikolas I of Russia, the cause of death, embalming.

Обстоятельства смерти императора Николая I посвящено много работ, но ясности в причине его смерти нет. Учеными рассматриваются две основные версии: официальная — государь скончался от простуды, вызвавшей паралич легких; «общественная» — император, не выдержав поражения в Крымской войне, покончил с собой (принял яд или сознательно «простудился», чтобы умереть). Есть еще и «народная» версия: «отравили царя-батюшку проклятые лекари-немцы» [1—5 и др.].

Многие ученые, работавшие над этой темой, опираясь на сведения, содержащиеся в мемуарной литературе, склонны поддерживать версию о самоубийстве, однако избегают делать категорические выводы. Только замечательный историк XIX века Н.К. Шильдер свое мнение выразил категорично: «отравился». Такое замечание он оставил на полях труда М.А. Корфа [6], против строк, где говорится, что «император Николай опочил от трудов своих смертью праведника». Исследователи до сих пор ссылаются на это утверждение, доверие к которому основывается на авторитете проф. Н.К. Шильдера. Аргументации своего мнения ученый не оставил. Авторы недавно вышедшего фундаментального труда «Медицина и императорская власть в России» полагают, что вопрос о смерти Николая I останется такой же исторической тайной, как гибель царевича Дмитрия в Угличе [7].

Первая проблема, возникающая в связи с «загадкой смерти» Николая I, — хронологическая. Указывают на внезапность кончины. Согласно официальной версии, болезнь началась 27 января 1855 г. Это подтверждается дневниковыми записями современников [4, 6, 8 и др.]. На простуду царь не обратил внимания и интенсивно работал в

привычном для себя ритме. 31 января он кашлял и жаловался на боль в спине. 2 февраля самочувствие Николая I ухудшилось, появилось «стеснение в груди», одышка, в этот день он не покидал своего кабинета. 4 февраля, несмотря на лихорадку и уговоры врачей, государь посетил смотр гвардейского батальона. На следующий день он почувствовал боль в боку, кашель усилился. 5—8 февраля Николай не покидал дворца, соблюдал предписания медиков, но, почувствовав себя лучше, сразу же (9 и 10 февраля) поехал на проводы гвардейских батальонов, отправлявшихся на войну. Вечером 10 февраля обострились «подагрические припадки». С 12 февраля император не вставал с постели, приступы лихорадки сменялись сильным ознобом. 13—16 февраля состояние больного не улучшилось, мокрота приобрела гнойный характер, врачи зафиксировали воспаление нижней доли правого легкого. В мокроте появилась примесь крови [7]. Он жаловался на «подагрические боли». 17 февраля усилилась лихорадка, врачи впервые заговорили о возможности смертельного исхода. 18 февраля Николай I скончался от паралича (отека) легких [1, 8, 9].

Некоторые исследователи, чтобы подчеркнуть неожиданный исход болезни императора, склонны сокращать ее продолжительность. Это, по их мнению, подкрепляет доводы в пользу версии о самоубийстве [2, 8, 10 и др.]. Между тем продолжительность болезни Николая устанавливается точно — более 3 нед (с 27 января по 17 февраля), прежде всего по камер-фурьерским журналам и другим фондам РГИА [8].

В русских газетах появились бюллетени о состоянии здоровья императора. Бюллетени №1 и 2 опубликованы 18 февраля. В первом документе сообщалось, что 13 фев-

раля «Его Величество заболел лихорадкой», во втором — об ухудшении состояния на 11 ч вечера 17 февраля. Опубликованный 19 февраля с информацией за вчерашний день бюллетень №3 говорил об «опасном» состоянии здоровья. 21 февраля вышел манифест о смерти Николая I. Задержки с публикациями объяснялись тем, что описание болезни лейб-медик М. Мандт вел на немецком языке и требовалось время на перевод. К тому же 20 февраля было воскресенье и газеты не выходили. Очевидно лишь отсутствие оперативности власти и прессы, что сыграло определенную роль в возникновении слухов об отравлении.

По мнению сторонников версии самоубийства Николая I, к этому привели неудачи русской армии в Крыму. Оказавшись на грани нервного срыва после прибытия курьера с новостями об очевидном поражении в Евпатории, царь будто бы принял решение умереть. Действительно, поражения сказались на эмоциональном состоянии императора. А.Ф. Тютчева отмечала, что государь плакал, «его нервы в самом плачевном состоянии» [11].

Существовало обстоятельство, на которое практически все исследователи не обращали внимания: глубочайшая религиозность царя. Самовольный уход из жизни — «смертный грех», превосходящий по тяжести убийство, царь никогда не осмелился бы через него переступить. Близкий к государю флигель-адъютант В.И. Ден отвергал предположения о самоубийстве: «Кто знал близко Николая Павловича — не мог не оценить религиозного чувства, которое его отличало и которое, конечно, помогло ему с христианским смирением перенести все удары судьбы, как бы тяжки, как бы чувствительны для его самолюбия они ни были» [4]. Следует согласиться с выводом историка А. Труайя, утверждавшего, что для самоубийства Николай I был «слишком набожен». Но, рассуждая подобным образом, он не захотел отказаться от писательского вымысла и переместил суицидальные устремления Николая I из сферы сознательного выбора в область подсознательного. Якобы, простуженный император пренебрег советами врачей и в сильные морозы специально устроил смотр войск для реализации желания «ускорить ход событий, не прибегая все же к самоубийству» [10].

Если отказаться от «заданности» в изучении проблемы, становится ясно, что в поведении Николая I нет ничего необычного. Император относился к типу пациентов, которые пренебрегают рекомендациями врачей, переносят болезнь «на ногах». Это подтверждается многими свидетельствами. В конце 1847 г. Николай «разнемогся» так, что с трудом передвигался из-за боли в суставах, уложить его в постель сумели только после долгих уговоров. Зимой 1849 г. произошла история, повторившаяся ровно через 6 лет: Николай простудился на маскараде в театре, и лейб-медик Ф. Каррель, «несмотря на жестокие страдания больного, никак не мог уговорить его лечь в постель». Во время смертельной болезни Великого Князя Михаила Павловича (1849) царь регулярно посещал брата, превозмогая тяжелейшие приступы головной боли и тошноты. Чтобы помочь царю, его голову постоянно смачивали одеколоном и уксусом [1, 8, 9, 12]. Плановые медицинские осмотры оборачивались формальностью. Ассистент лейб-медика Н.Ф. Арендта вспоминал, что они «обязаны были являться к государю к 7—8 ч утра, когда приготавливали чай или кофе, и в это время обыкновенно завязывался не служебный, а простой разговор» [4].

К роковой развязке последней болезни привели два главных обстоятельства: легкомыслие Николая I в процес-

се лечения и халатность придворных медиков, прежде всего Мандта, который был единственным врачом, заслужившим абсолютное доверие царя. Как известно, Николай I был на редкость постоянен в привязанностях и доверял своим любимцам даже тогда, когда они этого не заслуживали. Коллеги Мандта отзывались о нем как о человеке умном, хитром и одновременно отмечали карьеризм, категоричность в суждениях, а также недостаточность профессиональной подготовки. В биографии лейб-медика отмечен период увлечения магической практикой и «магнетизмом» (гипнозом). Мандт создал печально известную лечебную систему, так называемую «атомистическую методу», которая не получила признания ни в научных кругах, ни у практиков и была развенчана сразу после смерти его высочайшего покровителя. Суть «системы» заключалась в пользовании пациентов «водами», диетами, резком уменьшении лекарственных доз. Мандт практиковал свое лечение даже в случаях, требующих энергичного врачебного вмешательства, в том числе — хирургического.

Заболеванию царя медик не придал должного значения, поскольку речь шла о «легком гриппе», эпидемия которого охватила весь Петербург. Исторические документы объективно подтверждают наличие в Санкт-Петербурге в то время сильной эпидемии гриппа [12]. По описаниям специалистов, заболевания у горожан протекали тяжело, с большой смертностью, обусловленной наступавшим после гриппа воспалением легких. Вина Мандта заключалась в неумении настоять на соблюдении государем постельного режима. Врач верно диагностировал болезнь, но его хваленая «атомистическая метода» при быстро прогрессирувавшем тяжелом заболевании положительного результата не принесла.

Единственное «авторское» свидетельство, говорящее в пользу версии об отравлении, — воспоминания А.В. Пеликана, внука директора Медицинского департамента и начальника Медико-хирургической академии В.В. Пеликана: «В день смерти Николая I дед заехал по обыкновению к нам, был крайне взволнован и говорил, что император плох, что его кончины ждут с часу на час. Вскоре после отъезда деда явился из департамента неожиданно отец и объявил, что императора не стало. Отец был взволнован, глаза его были заплаканы, хотя симпатий к грозному царю он, по складу своего ума и характера, чувствовать не мог... Вскоре после смерти Николая I Мандт исчез с петербургского горизонта. Впоследствии я не раз слышал его историю. По словам деда, Мандт дал желавшему во что бы то ни стало покончить с собой Николаю яду. ... О вскрытии тела покойного императора он (прозектор Венцель Грубер. — Авт.) не преминул составить протокол и, найдя протокол этот интересным в судебно-медицинском отношении, отпечатал его в Германии. За это он посажен был в Петропавловскую крепость...» [9]. Рассказ, казалось бы, вызывает доверие ссылками на конкретных лиц. Видимо, поэтому свидетельство А.В. Пеликана постоянно используют сторонники «суицидной версии», избегая его анализа. Между тем данный источник нуждается в критике гораздо более других. В семье Пеликанов придерживались либеральных взглядов: не питал симпатий к царю Пеликан-отец, равно как и сын. Именно в либеральных кругах версия самоубийства императора получила наибольшее распространение. «Прямой речью» ее излагали А.И. Герцен, Н.А. Добролюбов, Н.В. Шелгунов и другие публицисты демократических убеждений. Самоубийство Николая Павловича для «прогрессивной общественности» было

«доказательством» порочности политической системы, которой он придерживался 30 лет [13].

В дневнике А.Ф. Тютчевой есть запись: «Говорят об отравлении, уверяют, что партия, враждебная войне, хотела отделаться от императора, обвиняют Мандта, которому давно не доверяют, одним словом, тысячи нелепых слухов, какие часто возникают в моменты кризисов, слухов, которым верят массы, всегда жадные до всего необычайного и страшного. Для них все представляется возможным, кроме того, что действительно есть» [11].

Мы категорически отвергаем возможность того, что Мандт, достигший высших должностей, лейб-медик, осведомленный об интимных сторонах жизни императора, мог решиться на такой глупый шаг — признаться в том, что помог отравиться пациенту. Какие мотивы могли толкнуть лейб-медика на откровенные беседы с Пеликаном? Их нет. Долго живший в России Мандт понимал, что разглашение тайн императорской семьи повлекло бы репрессивные меры. Однако его никто не удерживал, и вскоре он уехал. Оказавшись вне России, Мандт опубликовал в Берлине статью о болезни Николая, которая в основном повторяла официальную версию. И все же правительство перепечатку статьи в России запретило, содействуя тем самым распространению разнообразных слухов. Переписка на этот счет двух министров — Императорского Двора и Народного просвещения сохранилась в архивном фонде РГИА [14].

Является явно неправдоподобной и история с В.Л. Грубером. Статья анатома, будто бы напечатанная в Берлине, не обнаружена исследователями до сих пор. Перу В.Л. Грубера принадлежит более 600 научных работ, опубликованных в России и за рубежом. Однако ни в полной библиографии В.Л. Грубера, хранящейся в музее кафедры нормальной анатомии ВМА, ни в каталогах Фундаментальной научной библиотеки ВМА и Государственной центральной медицинской библиотеки в Москве, как и в генеральных каталогах библиотек США и ФРГ, статьи В.Л. Грубера с названием, имеющим хотя бы косвенное отношение к данной теме, обнаружить не удалось [4]. А заключение в Петропавловскую крепость... Не выдумка ли это семьи Пеликанов? Установленный факт: фамилия В.Л. Грубера в списке заключенных Петропавловской крепости не значится. Скорее всего, протокола о вскрытии, составленного В.Л. Грубером, не существовало, так как оно производилось другими лицами [9].

К разряду неблиц относятся и сведения Н.К. Мосолова, приведенные в статье И.В. Зимина в подтверждение версии о самоубийстве. Доктор, опираясь на семейное предание, утверждал, что его прадед лейб-хирург К.Ф. Боссе, вскрыв труп Николая I, воскликнул: «Какой сильный яд!», но ему было приказано молчать об этом. И.В. Зимин не нашел имен тех, кто занимался вскрытием, но предположил, что К.Ф. Боссе, как лейб-хирург, мог находиться среди них [3]. Между тем список лиц, присутствовавших при вскрытии, записан в камер-фурьерском журнале и других архивных документах, фамилия К.Ф. Боссе в них не упоминается [11].

Сторонники версии самоубийства (суицида) манипулируют еще рядом обстоятельств, требующих исследования. Настораживающий момент — бальзамирование императора проводилось дважды. Полковник Генерального штаба И.Ф. Савицкий объяснял интенсивное разложение тела продолжавшимся действием яда. Как и Пеликан-младший, И.Ф. Савицкий утверждал, что о просьбе царя «выписать» яд, ему поведал лично... Мандт! Ни опровер-

гнуть, ни подтвердить этого лейб-медик уже не мог, поскольку скончался за границей в 1858 г. И.Ф. Савицкий в мемуарах живописал: «желтые, синие, фиолетовые пятна», «черты лица, сведенные судорогой». По его словам, Александр II, увидя отца обезображенным, вызвал профессоров Медико-хирургической академии «Здеканера и Мянновского» и «повелел им любым путем убрать все признаки отравления, чтобы в надлежащем виде выставить через 4 дня тело для прощания. Ведь эти фатальные признаки подтверждали бы молву, уже гулявшую по столице, об отравлении императора». Медики «буквально перекрасили, подретушировали лицо, и его тело надлежащим образом уложили в гроб, обложив ароматическими травами» [9].

На этом отрывке основывается претендующая на сенсационность работа А.Ф. Смирнова [15]. Но излияния мемуариста переполнены грубейшими ошибками. О мифической откровенности Мандта не стоит повторяться. Профессора Н.Ф. Здекауэр (фамилию которого исковеркал Савицкий) и И.И. Мянновский были терапевтами и бальзамированием никогда не занимались. Признаки разложения проявились не до консервирования трупа, а после него, и тогда бальзамирование пришлось повторить. Интересна судьба И.Ф. Савицкого — участника польского восстания 1863—1864 гг., политического эмигранта, называвшего императора «страшилищем в огромных ботфортах с оловянными пулями вместо глаз» [9]. Не в этом ли «ключ» к его измышлениям?

В дневнике А.Ф. Тютчевой дано иное толкование событий: Николай I «сделал распоряжения на случай своей смерти и пожелал, чтобы его бальзамировали по системе Ганоло, заключающейся в том, что делается простой надрез в артерии и выпускается туда электрический ток». Прощание с императором происходило в небольшом помещении, где скапливалось много народа, желавшего проститься с царем, и стояла «жара почти нестерпимая» [11]. В записи А.Ф. Тютчевой есть неточность, обусловленная некомпетентностью в области медицины. Бальзамирование по системе Ганоло¹ подразумевало введение в труп антисептических растворов без вскрытия тела. В.Л. Грубер пунктуально следовал предписаниям этого новаторского метода, но останки императора подверглись интенсивному разложению [4]. В России к середине XIX века успешно применялись лишь способы бальзамирования, связанные с предшествующим вскрытием тела и освобождением полостей от внутренних органов [16 и др.]. Профессорам П.А. Нарановичу и И.В. Енохину пришлось экстренно бальзамировать тело Николая I повторно. Для В.Л. Грубера эта история закончилась без каких-либо последствий. Все участники первичного бальзамирования были награждены (см. Указание графа Адлерберга министру финансов от 12.03.1855) [14], что полностью опровергает рассказ Пеликана-младшего о заключении анатома в Петропавловскую крепость...

* * *

Таковы краткие факты, относящиеся к аргументации разных версий смерти Николая I. Готовя к печати книгу «Романовы. Давно забытые черты...» (2009), я еще раз проверил материалы фондов и описей РГИА, где могли бы находиться документы, на поиск которых были на-

¹Ганналь Жан Николая (1791—1859) — французский химик, автор первой в мире научной монографии «История бальзамирования». Лауреат премий Монтийона (1827, 1836) за новые методы лечения больных и бальзамирования трупов.

правлены усилия нескольких поколений исследователей: протоколы осмотра, вскрытия и бальзамирования тела императора. Но только сейчас поиск увенчался успехом! Возможно, эти интереснейшие документы не удавалось найти до сих пор ввиду того, что тоненькие в невзрачных обложках архивные дела с индифферентным названием находились не в фонде 468 (Кабинет Его Императорского Величества), где сосредоточены личные документы членов Дома Романовых (в том числе относящиеся к причинам смерти), а в фонде 472 (канцелярия Министерства императорского двора) и фонде 479 (приворная медицинская часть). Приводим только первый из документов, поскольку он ранее не публиковался [14].

«1855 года февраля 19 дня в девять часов пополудни мы нижеподписавшиеся, по Высочайшему повелению, собрались в присутствии Господина Министра Императорского Двора для бальзамирования тела в Бозе усопшего Государя Императора Николая Павловича.

По предварительном наружном осмотре тела, на котором мы не нашли никаких особенных знаков (выделено авторами), за исключением изменения кожи от приложения пластыря испанских мух на двух местах: на верхней правой стороне груди и под нижним углом правой лопатки², и красноты кожи на боковых частях лба и на висках от предшествовавшего частого прикладывания ароматического спирта³, приступлено было к бальзамированию тела, которое исполнили под нашим надзором Императорской Медико-хирургической Академии Прозекторы Грубер и Шульц по усовершенствованному способу Ганаля.

*доктор Ф. Карель, лейб-хирург (И.) Енохин,
лейб-медик М. Мандт, лейб-медик Э. Рейнгольд
лейб-медик М. Маркус»*

Все подписи являются подлинными автографами, столь хорошо известными нам по многолетнему изучению медицинских документов РГИА. Внизу листа еще один автограф: «При сем присутствовал и вышеизложенное свидетельствую, Министр Императорского Двора Граф Адлерберг». В левом верхнем углу листа его же почерком: «Доложено Его Величеству 21 февраля 1855 года».

О том, что происходило дальше, свидетельствует еще один ранее неизвестный исследователям документ. Итак, в архивном деле РГИА, озаглавленном «О рассмотрении Акта бальзамирования тела в Бозе Почившего Императора Николая Павловича и о награждении некоторых лиц за труды по бальзамированию тела Его Величества» [17] авторами обнаружены 2 листа тонкой писчей бумаги, с обеих сторон заполненной трудночитаемым, просвечивающим с оборота, текстом, исполненным частично на немецком языке, частично на латыни. Сложность дешифровки для современного читателя заключается в том, что применен старонемецкий (или готический) шрифт, бывший в употреблении со времен средневековья и впоследствии усовершенствованный берлинским рисовальщиком Л. Зюттерлином (1865—1917). Итак, перед Вами оригинальный перевод документа, выполненный авторами (в современной литературной редакции, слова в скобках внесены при переводе).

«Бальзамирование трупа Государя Его Величества блаженной памяти Императора Николая I в виде единичных инъекций без вскрытия.

Бальзамирование было сделано следующим образом: на шее в верхнегрудноключичной области, т.е. в яремной выемке над концом ключицы, был сделан вертикальный разрез, соединенный крестообразно с аналогичным вторым (разрезом). Разрезы описывают фигуру \perp . (Это) было сделано, чтобы сразу войти в сонные артерии, пищевод и трахею. Как пищевод, так и трахея с помощью шприца большого калибра были заполнены раствором сулемы. Большое количество этого раствора в легких, в желудке, тонкой кишке является необходимой мерой (бальзамирования). Трупные пятна на задней поверхности от головы до пяток, судя по их размеру и интенсивности, свидетельствовали о начале гнилостных процессов и (они) должны были быть ограничены таким образом.

В правую общую сонную артерию (в направлении) вниз было введено (насколько возможно) большое количество хлористого цинка (1:12), чтобы (приоритетно) заполнить (этот сосуд). Также была выделена правая паховая артерия и этот же раствор в количестве 3 анатомических шприцев среднего объема введен в сосудистую систему для заполнения капилляров и вен. В (правую?) общую сонную артерию (в направлении) вверх введен мастиковый лак цвета киновари для просветления кожи лица. Такие инъекции предпринимаются при любом (способе) бальзамирования. Носовая полость, полость рта, гортань и глотка были промыты инъекциями одеколона, затем заполнены ватой, смоченной в эфирных маслах. Мочевой пузырь был заполнен раствором хлорного цинка...⁴ Затем указанные жидкости удалены, кишка промыта и заполнена ватой, пропитанной бальзамом. Образовавшиеся вследствие бальзамирования искусственные раны заполнены порошком (гипса) и ватой, пропитанной эфирными маслами, а затем тщательно зашиты. Тело после инъекции обмыли ароматическим спиртом, протерли порошком квасцов и завернули в бинты, смоченные в растворе сулемы. Бальзамирование длилось с 10 ч (полудни) и до 3 ³/₄ часа после полуночи, было завершено с максимальной точностью и усердием. Мы попросили поместить тело в наиболее прохладное место. Таким же образом, но со вскрытием и с положительным результатом доктором Грубером было выполнено бальзамирование тела Его Императорского Высочества Герцога Лейхтенбергского и новорожденного Принца Мекленбург-Стрелицкого, доктором Шульцем — тела Ее Императорского Высочества Великой Княжны Александры Александровны.

По изменениям, которые произошли с телом Государя к 21 февраля, есть основания полагать:

1. Искусство бальзамирования, как правило, не рассматривается в качестве средства, всегда гарантирующего успех. Оно не имеет широкого распространения, и владеют им немногие. 2. Успех (бальзамирования) зависит в значительной степени от строения тела, возраста, степени упитанности, наличия острых или хронических заболеваний и т.д. 3. Надежность бальзамирования на более или менее длительный срок зависит от ранее выполненного вскрытия с удалением внутренностей и более распространенного объема бальзамирования. По данному случаю не представилось возможным выполнить полное вскрытие. 4. Внезапное повышение погодной температуры (воздуха) от -20° до $+2^{\circ}$ не должно остаться без рассмотрения. Не следует упускать из вида влияние этого изме-

^{2,3} Широко распространенные в то время способы лечения воспаления легких и головной боли.

⁴ По деонтологическим соображениям две фразы текста протокола удалены. — Авт.

нения на быстрое развитие газообразования в полостях и подкожной клетчатке».

21 февраля 1855 г.

Доктор медицины и хирургии,
прозектор Анатомического института
Медико-хирургической академии Венцель Грубер
Второй Прозектор Г. Шульц

Сравнительный анализ текста и подписей [18] позволяют утверждать, что документ исполнен собственноручно Венцелем Грубером. Таким образом, мы имеем дело с подлинником. Со всей ответственностью можно констатировать: вскрытия тела государя не было потому, что у консилиума врачей (из них 4 профессора), осматривавших тело государя, не было никаких сомнений в причине смерти — воспаление легких. Это обосновывалось, во-первых, типичностью развития постгриппозной пневмонии с классической клинической симптоматикой и, во-вторых, подробным наружным осмотром тела государя после смерти. Руководства по судебной медицине указывают, что и при таком способе исследования можно обнаружить многие признаки отравления: необычность окраски кожных покровов и слизистых оболочек, ускорение или замедление в развитии и разрешении трупного окоченения, необычный цвет трупных пятен, чрезмерное расширение или сужение зрачков, инородный запах и необычные выделения из дыхательных и иных путей. Таким образом, для нарушения пожелания Государя не делать полного вскрытия никаких оснований не было.

Реакция Александра II на неудачные медицинские манипуляции с телом покойного императора последовала мгновенно. Предписанием №546 от 22 февраля 1855 г. министр Императорского Двора потребовал от директора медицинского департамента Военного министерства «собрать лучших из находящихся здесь хирургов и поручить им рассмотреть акт бальзамирования; о заключении их уведомить меня для доклада Государю Императору». Таким образом, мы имеем дело со своеобразной комиссионной экспертизой врачебного дела «прозекторов»...

Созданной комиссией в составе профессоров Пеликана, Заблоцкого, Зинина, Ракицкого, Нарановича были изучены акт осмотра тела, протокол бальзамирования, рецепты, оформленные Грубером, по которым из придворной аптеки были отпущены растворы для бальзамирования [17]. 25 февраля 1855 г. комиссия пришла к выводу, что «... так как внутренности оставлены неприкосновенными, к бальзамированию же приступлено спустя значительное после смерти время, то употребленный прозекторами способ мы считаем... соответствующим современному состоянию науки... (Л.13—14 вышеуказанного дела). П.А. Наранович

высказал свое отдельное мнение в «Записке о неудачах при бальзамировании тела...» [5]. Оценка этого блестяще построенного с точки зрения научной логики пространного документа заслуживает отдельной статьи. Мы же ограничимся лишь отрывком, дающим представление о принципиальности и высочайшем уровне анатомических знаний П.А. Нарановича: «...открыть разрезом всю переднюю часть шеи с ключицами до хода глубоких жил с обеих сторон и до пищевого горла, разрезавши при этом множество кровяных жил разной величины, влить потом жидкость в сонную артерию, значит черпать воду решетою — вливаемая жидкость тут же выливается назад...».

Заключение было убийственным для Грубера и Шульца: «...неудачу бальзамирования тела... следует приписать: 1) незнанию дела и неопытности в анатомических работах, и весьма вероятно, 2) неудачной смеси употребленных для работы химических составов...» Было решено произвести повторное бальзамирование, руководство которым возложить на П.А. Нарановича. Детальных документов о выполненных мероприятиях нет, известно лишь, что они производились уже в помещении Петропавловского собора в ночное время, когда прекращался выпуск прощавшихся с императором. Участники работ поименно названы в соответствующем деле [17] об оформлении пропусков в собор (лейб-хирург Енохин, проф. Наранович, лейб-акушер Шольц, прозекторы Грубер и Шульц, лекарские помощники Кононов и Кузьмин). Процесс гнилостной трансформации был остановлен, но, увы, стал одним из оснований суждения об отравлении Государя. Вскрытия же тела не было: как в связи с пожеланием Государя, так и в связи с полной очевидностью причины смерти.

Итак, суммируя всю информацию из документов, изложенных выше, можно утверждать следующее. Совершенно очевидно, что угнетенное состояние императора, о котором так много писали современники, совсем не свидетельствует в пользу версии о суициде. Такие психические реакции постоянно наблюдаются при заболеваниях, сопровождающихся общей интоксикацией, например, при вирусных инфекциях, в том числе гриппе, осложнившимся воспалением легких, которое, судя по симптомам, незадолго до смерти, несомненно, перенес Николай I. При этом яркие и бесспорные признаки тяжелой, закономерно прогрессирующей пневмонии описаны настолько четко и образно, что не могут вызвать сомнения в диагнозе у любого, даже начинающего профессионального пути врача. Быстрое развитие гнилостной трансформации трупа также характерно для смерти от заболевания с массивным микробным поражением внутренних органов (в данном случае легких). Таким образом, с обнаружением новых архивных документов дискуссия о причине и роде смерти императора можно считать завершенной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Высочков Л.В.* Император Николай I: человек и государь. СПб 2001.
2. *Горелова Л.Е.* Легенды о смерти Николая I. Рос мед журн 2005; 13: 22: 1506—1508.
3. *Зимин И.В.* Медики и самодержцы: загадка смерти Николая I. Отечественная история 2001; 4: 57—64.
4. *Нахапетов Б.А.* Тайны врачей дома Романовых. М: Вече 2005.
5. РГИА. Ф.472. Оп.9. Д.5. 1855 г.
6. *Корф М.А.* Записки. М 2003.
7. Медицина и императорская власть в России. Под ред. Г.Г. Онищенко. М: Прогресс 2008.
8. *Блудов Д.Н.* Последние дни жизни Императора Николая Первого. М 1992.
9. *Соловьев П.К.* Евпатория в легких. К загадке смерти Николая I. Вопросы истории 2008; 9: 109—121.
10. *Труайя А.* Николай I. М 2002.
11. *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Тула 1990.
12. *Молин Ю.А.* Романовы. Давно забытые черты... СПб: Logos 2009.
13. *Эйдельман Н.Я.* Герцен против самодержавия. М 1984.
14. РГИА. Ф.472. Оп.35(13/980). Д.12. 1855 г.
15. *Смирнов А.Ф.* Загадочная смерть Николая I. Дорогами тысячелетий 1991; 4: 134—160.
16. *Кузнецов Л.Е., Хохлов В.В., Фадеев С.П., Шигеев В.Б.* Бальзамирование и реставрация трупов: Руководство. М 1999.
17. РГИА. Ф.479. Оп.1Д.741. 1855 г.
18. *Томилини В.В.* Основы судебно-медицинской экспертизы письма. М: Медицина 1974.